

Шедяков В. Е.

*доктор социологических наук, кандидат экономических наук,
независимый исследователь (г. Киев, Украина)*

Shedyakov V. E.

*DSc (Sociology), PhD (Econ.)
Free-lance (Kyiv, Ukraine)*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. Рассматривается движение к усилению черт общества знаний в социально-экономических отношениях. Изучаются кросскультурные и специфические для культурно-цивилизационных миров аспекты возможностей реформ. Угрозы перехода связываются со стандартами использования ресурсно-методологических баз обществ с культурой Традиции, Модерна и Постмодерна. В частности, попытки навязывания общих решений чреваты нарастанием антагонизма в социально-экономических отношениях. А применение принципа превращенных форм расширяет инструментарий трансформации противоречий реформирования из разрушительных в движущие и выведения их проявлений на поверхность общественной жизнедеятельности.

Ключевые слова: социально-экономические отношения, развитие, общество знаний, реформы, управление.

Я подчас спрашиваю себя, какой может быть толк в том, чтобы обороняться от мнимых внешних опасностей в то время, как признаки внутренней деградации являются столь очевидными.

Джордж Кеннан

Постановка проблемы. Основные уровни осуществляемого ныне человечеством общественного дрейфа – технико-технологический, социально-экономический и духовно-культурный – обладают выраженными отличиями, как сущностными, так и функциональными. Соответственно, своеобразны их характеристики и роль, возможности и ресурсно-методологические базы результативного воздействия. Черты среды (общественной и вещественной) и драйверов перемен отпечатываются в избираемой на практике направленности, этапности и очередности изменений, видоизменяя актуальность, соподчиненность и уровни возможностей и угроз, проблем и путей их преодоления.

Анализ исследований и публикаций. Критично важными для проведенного анализа представляются исследования, осуществленные И. Алексеенко, А. Аллегом, Ю. Андреевым, Дж. Арриги, Ж. Аттали, А. Ахиезером, В. Багдасаряном, С. Батениным, У. Беком, Н. Бердяевым, Ж. Бодрияром, А. Бузгалиным, В. Букреевым, С. Булгаковым, П. Бьюкененом, В. Вазюлиным, И. Валлерстайном, И. Вагинным, М. Вилисовым, Б. Вышеславцевым, К. Гаджиевым, Ф. Гваттари, М. Гефтером, Дж. Гилдером, Дж. Гэлбрэйтом, А. Гором, Д. Даниловым, А. Девятовым, Ж. Делезом, Ж. Дерридой, Т. Ефременко, П. Ещенко, С. Жирарди, С. Заветным, Д. Зеркаловым, А. Зиновьевым, В. Зомбартом, Э. Ильенковым, И. Ильиным, В. Иноземцевым, Л. Иониным, Р. Ищенко, Д. Калаичем, М. Калашниковым, Э. Канетти, М. Кастельсом, Я. Кедми, Л. Кейсевичем, А. Колгановым, Ю. Красиным, Т. Куном, Дж. Куртом, С. Кьеркегором, А. Левченко, М. Монтенем, Ж.-Ф. Лиотаром, В. Личутиным, Р. Макнамарой, М. Нетесовой, К. Петровым, С. Платоновым, Г. Плиссонье, Н. Поляковой, Г. Померанцем, В. Пякиным, Р. Кравчиком, В. Сагатовским, Т. Сакайей, В. Спиридоновой, Е. Суименко, С. Сулакшиным, Э. Смитом, А. Дж. Тойнби, С. Ураловым, Г. Федотовым, В. Франклом, С. Франком, Э. Фроммом, Ж. Фреско, А. Фурсовым, Ф. Хайком, Й. Хейзинги, А. Хомяковым, А. Чухно, П. Швейцером, У. Эко, Л. Эрхардом, А. Этциони;

отражение украинской специфики Э. Афониним, Е. Головахой, В. Голяном, В. Гриневым, Э. Либановой, В. Лисицким, В. Малинковичем, В. Мещеряковым, Е. Копатько, Е. Кушнаревым, А. Левцуном, Н. Паниной, Г. Сквородой, В. Сусловым и др.

Целью статьи является подведение промежуточных итогов в анализе и прогнозировании путей оптимизации реформирования социально-экономических отношений при форсированном движении к обществу знаний, а также создание предпосылок применения сценарного подхода развития.

Изложение результатов исследования. Ныне созданы объективные предпосылки и потребность в комплексном очеловечивании общественных отношений как решающем факторе повышения уровня и обеспечения постоянства развития и реализации одаренности каждого в социально значимом направлении. Так, процессы индивидуализации и социализации жизнедеятельности взаиморезонируют и поддерживают друг друга. Формирование в общечеловеческом масштабе оснований перехода к состоянию общества, характеризующемуся как «умное», «знаний» и т.д., с одной стороны, уже ознаменовано кардинальными прорывами в отдельных направлениях, с другой же – сопряжено с растущим отрывом лидерской группы стран от прочих, а также с фиксацией социально-экономических «резерваций» даже и в наиболее преуспевающих государствах. Обострение форм следующих из этих противоречий процессов чревато губительными антагонизмами [1–4].

Соответственно, целенаправленное использование ресурсно-методологических возможностей как новой парадигмы развития, так и переходного периода к ней предполагает применение регулятивного (в частности, социально-экономического) аппарата для оптимизации общественной жизни, снятия искусственных препятствий развращению перспективных закономерностей и предотвращения социально-экономического коллапса, что требует проведения реформ [5–9].

Мера изменений включает как качественные, так и количественные перемены. С точки зрения качества характеристики общественного дрейфа могут быть позитивными, негативными или же безвекторными. С позиций количественных изменений перемены приобретают черты темпа и динамизма. При этом генерализующая общность перспективного направления может включать всеобщие, общие и частные элементы. В частности, как баланс и соотношение форм святого, собственно человеческого и животного в общественной жизни, так и их нормативное восприятие в различных культурно-цивилизационных мирах имеют и кросскультурные, и специфические характеристики. А целенаправленность реформирования при рефлексивности и демократизации управления усиливает массовидность именно человеческой плоскости социокультурного общежития. Вместе с тем, соответственно, динамики среды трансформаций – социально-идеальная, материально-социальная и вещно-предметная – могут быть не только разноскоростными, но и разнонаправленными. Более того, одна из ведущих особенностей постсовременной модернизации связана именно с многообразием путей развития. Все активнее заявляет о себе процесс изменений, предусматривающий сосуществование, перекрещивание и сорезонирование разных тенденций развития, среди которых (в отличие от модерна) ни одна не может претендовать на исключительное значение, позволяющее без вреда для результата абстрагироваться от прочих. Соответственно, понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного экономического роста, оно должно ориентироваться на такие ценности, как свобода выбора, терпимость.

Реформы в среде постмодернизации становятся успешнее при их органичности – причем это касается отнюдь не только отдельных социальноэкономических институтов, но и всей культурной среды, отношений, структур. В этой ситуации увеличивается гетерогенность, неопределенность, взаимопроникновение фрагментов разных структур, подвижность пределов, кардинально изменяется соотношение хозяйственных норм и аномалий. При этом ни одна система ценностей во время постмодерна уже не может рассматриваться как единственно оптимальная для человечества. Осуществление реформ в логике постмодерна, в логике свободы является одновременно отказом от единства любого базиса развития. Радикальный характер и размах сдвигов наглядны. В наличии – сложное движение, которое одновременно вмещает в себе разные модели, сценарии и процессы. Речь идет уже не только о политических условиях реализации свободы, но и о значительно более глобальных ее перспективах, связанных с доминантой терпимости и многоукладности. Когда нет стабильной внешней опоры в виде общей идеологии, единственной культуры, стереотипной науки, тогда необходимо признавать право на существование непохожего, особенного и необычного. Полиструктура мирохозяйственных связей, основанная на выработанных и взаимоприемлемых нормативах отношений, а вовсе не блок из идентичных атомов-элементов, определяет вид постмодернистской действительности. В этом контексте важно, что, встречаясь с «исторического масштаба вызовами», каждое государство и регион находят свой вариант ответа на них. Вместе с этим усиливаются возможности осторожного заимствования части моделей трансформации, которые нарабатываются другими народами, что деактуализирует подход, относивший международные отношения ко «вторичным», «производным».

Соответственно, неправомерно сводить логику изменений в социально-экономических отношениях исключительно к определению уровня культуры (в частности, экономической) производительными силами и технологическими инновациями. Напротив, важное значение приобретает влияние именно культурной среды на появление и восприятие нововведений техники и экономики. Гуманизированные технологии постмодерна поэтому не являются социально нейтральными, уже на стадии проектирования в них может и должна закладываться сознательная ориентация на развитие и обогащение культуры, позволяющая использовать социально-идеальный пласт мотивирования и регулирования общественного воспроизводства. Для повышения же реализуемости потенциала хозяйственного механизма и хозяйственных отношений должны быть обеспечены их органичность и целостность. В свою очередь, опора на творческие возможности каждого не только в труде, но и в управлении предполагает при «стабильной нестабильности» постоянство самообучения и переобучения: массового и социализированного, но индивидуального и индивидуализированного.

Изучение институционных и ценностных принципов организации разных типов хозяйственных общностей, альтернативных подходов к оценке систем стимулирования позволяет преодолеть жесткий производственный и технико-технологический детерминизм, отказаться от анализа и оценки хозяйственных ситуаций и процессов развития исключительно с позиций безотлагательной пользы, перейдя к более «богатому» в практико-теоретических аспектах исследованию экономических поведения и отношений с учетом историко-культурных, морально-психологических, религиозно-этических традиций, плюральных моделей персонального и группового выбора. Новый диапазон социально-важных ролей человека в труде и управлении усиливает влияние культуры на восприятие полифункциональности в воспроизводственном процессе. Преодоление монополии «внеморальной» модели регулирования деятельности, рост антропоцентристских тенденций обогащает творческий потенциал: квазидей, как правило, умеет и знает больше, чем осознает. В свою очередь, распространение многосложного труда, который «бросает вызов» человеку, необходимость полагаться в решениях на самого себя, самокритичность вообще не локализируются в производственной сфере, а диффузируют в прочие измерения жизни. Тем самым подготовка к трудовому и управленческому творчеству как обязательный компонент входит в формирование гражданской позиции человека в обществе знаний.

Постмодерные подходы к управлению вообще призваны не пытаться перечеркивать (как в контрмодерне), а актуализировать потенциал и созидательный посыл модерна. Но вместе с этим они открывают и новые возможности, связанные с более активным использованием в ситуации синхронного наложения модернизации (домодернизации недомодерна) и постмодернизации (начала тенденции) традиций и обычаев, коллективных отношений и взаимодействий, неформальных коммуникаций и социальных сетей с регулятивным синтезом элементов управляемости, самоуправляемости и неуправляемости. А всеобщность общественных отношений капитала обеспечивает распространенность капитализированной формы богатства, которое и выступает, в частности, капиталом реальным, социокультурным и т.д., проявляясь в процессах очеловечивания-овещивания в общественной жизни и функции личности в социальной структуре. На наш взгляд, постсовременный и постглобальный динамизм соотношения содержания и форм труда для обеспе-

чения гармонии интересов ресурсно-методологическими базами стратегической футуродиагностики и общественного дизайна в актуализации научно-интеллектуального потенциала предполагает, прежде всего, обеспечение конкретности всеобщего труда, расширение использования условия умного общества для реализации конкретно-всеобщего труда, новые грани сорезонирования процессов индивидуализации соответственно одаренности каждого субъекта деятельности, а также социализации/аккультурации – в соответствии с общественными условиями труда. Вместе с тем, поскольку сложный труд в условиях структурирования хозяйствования экономикой знаний имеет потенциал развертывания от прежнего, общественно-случайного, в конкретно-всеобщее положение, имманентные ему структуры стимулирования не просто выходят на передний план, а тоже могут претендовать на уровень конкретно-всеобщих, ориентируя на адекватные изменения в материально-технической базе и социально-политических отношениях. Одновременно место общественной предрасположенности к отчужденному канону и индивидуального порыва к творчеству заняла общественная потребность в творчестве, дополняемая индивидуальной склонностью к бегству от сложностей свободы. И ныне кто-то меняется, разделяя общераспространенные убеждения, кто-то – склонен к самостоятельной интерпретации и (пере)оценке.

Попытки реализации модернистских проектов изменений в социально-экономической сфере с ориентацией на ультралиберальный вариант модели «человека экономического» и сведения применения регулятивного инструментария главным образом к шаблонам рыночного фундаментализма и экономической организации целостности общественных отношений могут нести угрозу усиления тенденций дезинтеграции общества и противостояния социальных групп. Существо «развилки» трансформаций связано с наличием возможностей доминирования характеристик постмодерна как развития или же как срыва и отката. Причем архаизация общественной жизни и появление черт «нового средневековья» могут нарастать наряду с постмодерной атомизацией социума, а вовсе не быть возвратом к сплоченности общества традицией. Ресурсно-методологические базы обеспечения устойчивого развития значимо трансформируются, располагая к осуществлению последовательной децентрализации. В частности, из-за ускорения общественной и хозяйственной жизнедеятельности (например, быстрого устаревания знаний, актуализации требований мелкосерийного производства, вынуждающего к частой переналадке, и т.д.) абсолютной необходимостью становятся и переквалификация, и непрерывное образование, и постоянное самообразование, а научные разработки являются весомой составляющей конечной конкурентоспособности. Знание же, опыт, квалификация, дарования и т.д. рассеяны в обществе.

Вместе с тем, если Модерн приучил к оптимизации развития за счет унификации модели жизнедеятельности, то разнообразие черт постмодерна (соответственно, постглобальности, постиндустриальности и т.д.) ориентирует на принципиальное несоответствие подходов. Усиление черт гиперконкуренции между культурно-цивилизационными мирами предполагает необходимость самому «вытаскивать себя», реализуя эндогенные модели социально-экономического развития. Пересечение условий постиндустриализма, постглобализма и в целом постсовременности требуют решительного отказа от всяческого «секонд-хэнда» (в вещах и идеях) в пользу обеспечения своей самостоятельности, самооценности

и достоинства. Да, необходима модернизация, но отнюдь не в виде заимствования штампов вестернизации: Запад сам погряз в противоречиях и проблемах. Теперь конкуренция культурно-цивилизационных миров – это состязание моделей: чем выше своеобразие модели, тем легче и полнее можно учесть особенности своих условий, среды, ценностно-смысловых комплексов, ментальных матриц, наращивая конкурентные преимущества и сокращая роковые риски. Ойкумена по-прежнему сохраняется и развивается силами нравственной саморегуляции, развивающейся из ментальных матриц народа в процессе обретения исторического опыта и освоения социокультурного наследия. Именно моральные стержни через традиции, устои, обычаи создают, организуют и оберегают общество и его историческую субъектность. Но Модерн предоставил широкие возможности личностному выбору. Советский опыт общественных трансформаций предоставил разные модели обеспечения броска вперед (достижение модернизации экономики и страны, грамотности и медицинского обслуживания населения, защиты от внешней угрозы) с культивированием напряженного труда в команде/коллективе, стремлением к высшим мировым достижениям и широким вовлечением в управление/самоуправление граждан (поощрение добровольчества активистов, народного творчества и контроля). Очевидно, отказ от полученного опыта сопряжен с утратой достигнутого, падением в контрмодерн с фактическим отказом в архаику и утратой возможности самостоятельного принятия решений. Вместе с тем, соотношение аспектов (в т.ч. социальных и индивидуальных) конкурентоспособности для культурно-цивилизационных миров различно и подвижно. Происходят изменения не только отдельных институтов, но и самих комплексных моделей жизнедеятельности и развития, отношений и структур.

Итоговый характер трансформаций во многом предопределяется соотношением внешних и внутренних факторов преобразований, их проявлением в субъектности изменений. Во многом характер кардинального выбора связан с сочетанием или антагонизмом сил модерна и традиции. Ведущим конфликтом проявления проблемности момента стает расхождение интересов общества умного либо олигархического, нацеленного на обеспечение узкокорыстной заинтересованности узких групп – или подъем качества жизни и творчества всего народа [10–12]. При этом механизмы реализации принципа превращенных (преобразованных) форм базируются на введении в межсистемное взаимодействие эталонов, обеспечивающих сопоставление структур, их сведение к сверхструктурному единству с трансформацией энергии их противоречия из разрушительной в развивающую. Тем самым предотвращаются попытки навязать внешнюю волю, сохраняется своеобразие каждого из элементов в предоставленных пределах самореализации и условиях взаимодействия.

Выводы. Методология стратегических воздействий значимо трансформируется с изменением общества и его составляющих. Однако природа постсовременности обостряет необходимость поиска организационно-управленческой уникальности при проведении реформ в связи с заведомой рискованностью попыток опоры на усредненные стандарты заимствованных штампов. При этом необходимо как учитывать все прогрессивные наработки человечества, так и преломлять их сквозь призму своих условий, обогащающих ресурсно-методологические базы реформ.

Способность к устойчивости и изменению культурно-цивилизационных миров во многом определяется сплетенностью (в частности, под влиянием исторического опыта, социокультурного наследия и ментальных матриц

народа) объективных и субъективных факторов структурирования, формирующих разнокачественные обратные связи и отношение к творчеству (индивидуальному и массовому, в труде и управлении, etc.). Гибкость структур отрицательной и положительной обратной связи позволяет и гасит вредные импульсы, и усиливает полезные, выливаясь в совершенствование самой меры развития,

выращивая субъектность в рефлексивность и позволяя множить конкретные преимущества соотношения циклично повторяемого и уникально невоспроизводимого. Чем больше оснований у общества, чем более сложная внутренняя структура, тем она более устойчива в периоды относительных стабильности и изменений, тем более способна к дальнейшему развитию.

Список использованных источников:

1. Ещенко П.С., Арсеев А.Г. Куда движется глобальная экономика в XXI веке? коллективная монография. К.: Знання України, 2012. 479 с.
2. Алексеенко И.Р., Кейсевич Л.В. Последняя цивилизация? коллективная монография. К.: Наук. думка, 1997. 411 с.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология: коллективная монография. М.: Культурная революция, 2009. 680 с.
4. Шедяков В.Е. Экономическое мышление за пределами либерализма. Содружество. 2016. № 5. С. 90–94.
5. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Междунар. отношения, 2004. 288 с.
6. Сагатовский В.Н. Есть ли выход у человечества? коллективная монография. СПб.: Петрополис, 2000. 148 с.
7. Шедяков В.Е. Эффективное управление сквозь призму создания умной экономики. Вісник Одеського національного університету. Серія: Економіка. 2016. Т. 21, Вип. 7(2). С. 18–22.
8. Шедяков В.Є. Стратегія сочетания общественных и частных интересов: региональный уровень. Регіональна економіка та управління. 2015. № 2(5). С. 132–136.
9. Шедяков В.Є. Процеси суспільного розвитку як об'єкт стратегічного управління (на прикладі промислових відносин). Гілея. 2012. Вип. 66. С. 647–653.
10. Новый формат стратегії і тактики соціально-економічного розвитку України: людина, громада, держава: колективна монографія / Бондар І.К., Чечетов М.В., Жадан І.О., Дідур С.В. та ін. К.: Корпорація, 2005. 383 с.
11. Соціалізація і гуманізація економічних відносин: навч. посіб. / А.С. Бебело, С.А. Бебело, А.В. Коровський. К.: КНЕУ, 2007. 240 с.
12. Скурятівський В., Палій О., Лібанова Е. Соціальна політика: колективна монографія. К.: Вид-во УАДУ, 2003. 265 с.

СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНІ МОЖЛИВОСТІ І ЗАГРОЗИ РЕФОРМУВАННЯ

Анотація. Розглядається рух до посилення меж суспільства знань у соціально-економічних відносинах. Вивчаються кроскультурні і специфічні для культурно-цивілізаційних світів аспекти можливостей реформ. Загрози переходу пов'язуються зі стандартами використання ресурсно-методологічних баз суспільств із культурою Традиції, Модерну і Постмодерну. Зокрема, спроби нав'язування загальних рішень загрожують наростанням антагонізму в соціально-економічних відносинах. А застосування принципу перетворених форм розширює інструментарій трансформації протиріч реформування з руйнівних у рушійні і виведення їх проявів на поверхню суспільної життєдіяльності.

Ключові слова: соціально-економічні відносини, розвиток, суспільство знань, реформи, управління.

SOCIAL AND ECONOMIC OPPORTUNITIES AND THREATS OF REFORMING

Summary. The movement towards strengthening the features of the knowledge society in socio-economic relations is considered. Both, cross-cultural and specific for the cultural-civilizational worlds' aspects of opportunities of reforms are explored. The threats of transition are associated with the standards of using the resource-methodological bases of Traditions, Modern and Post-Modern cultures of societies. In particular, attempts to impose common solutions are fraught with the growth of antagonism in socio-economic relations. And the application of the principle of transformed forms expands the toolkit for transforming the contradictions of reform from destructive to driving and bringing their manifestations to the surface of social life.

Key words: socio-economic relations, development, knowledge society, reforms, management.